телей довольно мало. Решающая же роль в историческом процессе отводилась ими конкретным народам.

Все перечисленные выше авторы отказались от задачи сведения многообразия истории к единому потоку. Все они также признают существование исторического движения, но понимают его не как единое движение всего человечества к единой цели, а происходящее как бы внутри отдельных народов. Вызванное своеобразным набором причин, историческое движение одного народа часто даже не дает возможности сравнить его с движением другого. Стало быть, предметом исторического исследования не могут быть закономерности всемирной истории. Ее просто нет. А есть отдельные истории разных народов, которые практически несравнимы между собой. Прежнее представление о едином русле истории разветвилось на множество притоков, речек и ручейков.

Если теории христианского универсализма стремятся вывести закономерности, относящиеся к истории всего человечества, выделить некий инвариант развития человечества, то теории, исходящие из географическо-климатических, цивилизационных, этнических и иных особенностей входящих в человечество народов, сосредоточиваются на особенностях этих народов, выраженных в их культуре, менталитете, их неповторимой исторической судьбе и т.п. Главный предмет их изучения — это общество в узком смысле, выявление характеристик и тенденций развития конкретных социальных общностей и уже на этой базе выявление условий взаимоотношения и взаимодействия человеческих сообществ друг с другом.

Появление данной группы теорий явилось своеобразным противовесом крупномасштабным учениям, ставившим в центр изучения безликие, всеподчиняющие закономерности мировой истории, наподобие концепций Гегеля и Маркса. Переход на уровень изучения отдельных сообществ позволял уйти от тотальных обобщений и приблизить историческую картину к многообразной сложности жизни.

2.2. Субъекты истории в русском материализме последней трети XIX – начала XX вв. (П.Н. Ткачев, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин)

Одним из ярких выразителей материалистического подхода к истории в русской мысли рассматриваемого периода был П.Н. Ткачев. Как можно заключить на основе анализа его произведений, он при анализе исторического процесса отдавал приоритет обществу как явлению, которое единственно и может претендовать на статус субъекта истории. Роль личности и общества в историческом процессе принципиально различается. Для выявления этого различия он использует анализ понятия прогресса. В статье «Что такое партия прогресса» (1870), посвященной критике «Исто-

рических писем» П.Л. Лаврова, мыслитель ставит вопрос о том, что представляет собой понятие прогресса, это «реальное или это только понятие чисто формальное», и далее конкретизирует вопрос: «В чем состоит критерий прогресса?» 1. Ответ на него и демонстрирует ткачевское решение проблемы субъектов истории. Притом что сама эта проблема Ткачевым в четком виде не обозначена, его рассуждения по поводу критерия прогресса в истории не могут обойтись без рассмотрения ролей подразумевавшихся им принципиальных участников исторического процесса.

Ткачев предполагал, что могут существовать два критерия прогресса в истории (соответствующие двум возможным субъектам истории - человеческому обществу и отдельному человеку). Первый критерий обладает объективностью и постоянством, он мыслится, или, по крайней мере, должен мыслиться, всеми людьми одинаково. Очевидно, что данный критерий вытекает из признания в качестве субъекта истории общества в целом, так как он одинаков для всех его членов и, в силу своей объективности, не предполагает учет мнений отдельных людей. Второй возможный критерий носит субъективный характер, он определяется Ткачевым как «зависящий от произвольных воззрений каждого, различный в разные эпохи, у различных народов, у различных индивидов, даже у одного и того же индивида в различные возрасты или при различных обстоятельствах его жизни»². Как видно из приведенных характеристик, второй критерий подразумевает признание субъектом истории отдельной личности. Его применение предполагает не только учет разницы во взглядах между отдельными людьми, но даже изменения взглядов, происходящие в течение жизни у каждого человека. Такой критерий отличается непостоянством и даже случайностью.

Совершенно очевидно, что симпатии Ткачева на стороне первого критерия. Из предпринятого им анализа данной проблемы вытекает, что «критерий прогресса не только может, но он всегда и должен быть объективен» Основой для признания объективности критерия прогресса служит философу принципиальная общность физической и психической организации всех людей. Он уверен в том, что благодаря такой общности имеются истины, являющиеся таковыми «для всех людей вообще» Данное выражение как нельзя лучше показывает позицию Ткачева в вопросе о субъекте истории. Истина связывается у него не с отдельным человеком, а с тем, что в одинаковой мере свойственно всем людям — «людям вообще». Поэтому как право разумной оценки исторического процесса, так и право разумного действия в нем получает у философа не отдельный человек, но социальное целое, имеющее принципиально более высокий статус.

¹ Ткачев П.Н. Что такое партия прогресса // Кладези мудрости российских философов. Серия «Из истории отечественной философской мысли». М.: Правда, 1990. С. 40.

² Там же.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 45.

Объективизм Ткачева при решении проблемы субъекта истории обосновывался им с помощью рассуждений о цели исторического движения, так как эта цель объективна, независимо от тех или иных ее трактовок разными мыслителями: «единственная цель у общества людей та же, как и у отдельного человека, — человеческое счастье» 1. Подтверждением этого тезиса мыслителю служит та мысль, что люди объединяются в общество именно для того, чтобы оно помогло им достичь их собственную цель — стать счастливыми. Таким образом, исходным пунктом всех последующих рассуждений Ткачева является человеческое счастье: говоря об обществе, он апеллирует к частным интересам составляющих его людей. Но на практике отдельный человек мало интересует философа. Он связывает с ним субъективный произвол в понимании счастья и стремится найти объективную, не зависящую от индивидуальных представлений цель жизни как общества, так и личности, которую и основывает на принципиальной общности человеческой природы.

В данном пункте учения Ткачева и происходит принципиальное размежевание исторических задач общества и личности. Общество до сих пор не стояло на уровне объективно определенной для него цели, так как оно не обеспечивало необходимого количества средств для удовлетворения потребностей всех своих членов: «оно не в состоянии содействовать осуществлению жизненных целей одних индивидов, не противодействуя в то же время осуществлению жизненных целей других»². Это означает, что только часть людей имеет возможность проявлять себя в качестве субъектов деятельности (в том числе исторической), достигать собственные цели, остальные же оказываются отстранены от этого. Ткачев рассматривает такое положение как ненормальное, считает, что оно порождено классовым расслоением общества, нарушающим изначальное равенство возможностей всех людей. С этой точки зрения, стремление мыслителя к тому, чтобы каждый человек мог реализовать свою жизненную цель, выглядит справедливым и заслуживающим одобрения. Но тот способ, которым он предполагает этого добиться, не может не вызывать сомнений, так как он состоит в нивелировании личностей, их усреднении и, в конечном итоге, в потере всякой личностью статуса субъекта истории.

Ткачев указал на три условия, выполнение которых должно привести общество к достижению объективной цели его существования. Но если с одним из них, требующим равных возможностей для удовлетворения потребностей всех членов общества, нельзя не согласиться как с вполне справедливым, то два других вызывают сомнения в своей целесообразности. Первое предполагает свести «к одному общему знаменателю, к одной общей степени все хаотичное разнообразие индивидуальностей, вырабо-

² Там же. С. 80.

тавшееся путем регрессивного исторического движения», что, по сути, превратило бы общество в однообразную массу, состоящую из однотипных единиц. Второе же условие состоит в том, что общество «приведет в гармонию средства с потребностями» Оно явно невыполнимо, о чем на этой же странице замечает и сам философ, указывая, что подобная гармония представляет собой «идеал, едва ли когда достижимый».

В целом же картина такого общества, которое сможет реализовать свою историческую задачу, став действительным субъектом истории, имеет тоталитарные черты, в ней господствует единообразие и строгое подчинение общим интересам. Идеал Ткачева — это человек, который жертвует во имя общественного блага своими личными интересами. Таким человеком должна руководить идея «сделать счастливыми большинство людей», причем она у такого человека «совершенно сливается с понятием об их личном счастии»². Тем самым мыслитель выступил врагом индивидуального начала в человеке и противником разнообразия в социальной жизни. Недаром он, благодаря перечисленным выше условиям, предполагает «уменьшить трату на поддержание и развитие индивидуальности»³. В будущем философу грезится достижение полной гармонии личности с обществом, то есть растворение ее в обществе, потеря ею своей уникальности.

История, которая протекает под руководством индивидуальных начал, когда ее субъектом является отдельный человек, представлялась Ткачеву антагонизмом частных интересов, приносящим значительные бедствия и потрясения. История же, в основе которой лежит коллективное начало, дает гармонию частных интересов и соразмерность потребностей всех людей⁴. Признаком прогрессивной исторической тенденции коллективного начала мыслитель считал появление пролетариата как класса, возникающего в результате регресса общества, построенного на индивидуальных началах⁵. Он был еще далек от мысли о роли пролетариата в преобразовании общества и не видел в нем самостоятельного субъекта истории, поэтому понимание такого субъекта оказалось у него в высокой степени абстрактным. В качестве такового выступает некое меньшинство, характеризующееся «умственной и нравственной развитостью», уравнивающей потребности и интересы всех членов общества и гармонизирующей эти потребности со средствами их удовлетворения. Это меньшинство имеет «умственную и нравственную власть над большинством»⁶. Историческое же значение большинства людей представлялось Ткачеву ничтожным. Подав-

¹ Ткачев П.Н. Что такое партия прогресса // Кладези мудрости российских философов. Серия «Из истории отечественной философской мысли». М.: Правда, 1990. С. 74.

¹ Ткачев П.Н. Что такое партия прогресса // Кладези мудрости российских философов. Серия «Из истории отечественной философской мысли». М.: Правда, 1990. С. 82.

² Ткачев П.Н. Люди будущего и герои мещанства. М.: Современник, 1986. С. 115.

³ Ткачев П.Н. Что такое партия прогресса. С. 82.

⁴ Там же. С. 85. ⁵ Там же. С. 86.

⁶ Ткачев П.Н. Избранные сочинения: В 6 т. М., 1932–1937. Т. 3. С. 224.

ленный нуждой и бесправием, народ в состоянии лишь на неконструктивный бунт. Роль народа ограничивается слепым разгромом существующего порядка: его роль заканчивается в ту минуту, «когда он разрушит гнетущие его учреждения, уничтожит своих непосредственных тирановэксплуататоров»¹. Сознательные действия по руководству этой слепой силой мыслитель отдает мудрому меньшинству, понимающему, что и как необходимо делать. В небольшой, но очень емкой работе «Народ и революция» (1876) Ткачев выразил убеждение: если народ что-либо и совершит, то затем снова вернется к старым и привычным формам жизни. Он писал об исторической роли народа: это «необходимый фактор социальной революции, но только тогда, когда революционное меньшинство возьмет в свои руки дело этой революции»². Данное обстоятельство придает представлениям Ткачева о субъекте истории заговорщический характер. В качестве такового у него выступает группа по-передовому мыслящих личностей, организующих все социальные преобразования, невзирая на косность и сопротивление большинства населения.

В статье «Роль мысли в истории» (1875), посвященной вопросу о влиянии отдельных личностей на ход исторического развития, Ткачев утверждает детерминистскую мысль о том, что личность целиком обусловливается теми объективными условиями, в которых она находится, и, следовательно, ее влияние на исторический процесс совершается не произвольно, но оно запрограммировано внешними факторами и предшествующим развитием общества. Он пишет о том, что «человеческое $\mathfrak q$ есть продукт длинного ряда причин, что оно вполне зависит от среды, в которой живет... что оно есть, одним словом, лишь одно из маленьких звеньев в бесконечной цепи причин и следствий»³.

Признание личности самостоятельным субъектом истории, имеющим право на такую оценку исторического процесса, которая может расходиться с объективными законами действительности, для Ткачева недопустимо. Такое признание повлекло бы за собой необходимость применения к истории нравственных критериев, что рассматривалось им как проявление субъективизма, мешающего правильному пониманию исторических закономерностей. Подобный подход для него неприемлем. «История – известная блудница: каждому она дает все то, что от нее требуется» Выход из такого положения заключается в том, чтобы освободить историческое знание от нравственных идеалов, подобно знанию естественно-научному. Мыслитель критикует современные ему общественные науки за то, что они находятся в «субъективной рутине», «пропитаны до мозга костей ме-

¹ Ткачев П.Н. Избранные сочинения: В 6 т. М., 1932–1937. Т. 3. С. 266.

тафизическо-идеалистическим направлением», «суют свои идеалы всюду... все под них подводят и все ими объясняют»¹.

Действительно, если понимать историю так, как ее понимал Ткачев, то есть как «ряд необходимых причин и следствий»², то нравственным идеалам в ней нет места, а значит, нет места и для такого субъекта, который эти идеалы создает и оценивает с их точки зрения окружающую его действительность. Нравственность сама является продуктом внешних условий³ и, следовательно, не может выступать в качестве руководящего принципа исторической жизни. В подтверждение этого тезиса философ ссылается на Ч. Дарвина, не считавшего наличие нравственного чувства качественным отличием человека от животного⁴.

Единственный критерий, который можно применять к оценке истории, — это приближение или удаление общества от его конечной цели, которую он понимал как «счастье всех его членов»⁵. В результате применения подобного критерия должна была возникнуть особая «революционная нравственность», которая ставит общее выше личного, целое выше единичного, самоотвержение выше эгоизма⁶.

Следствием перечисленных принципов при описании исторического процесса была картина, не слишком благоприятная для отдельной личности как его участника. Двигателем истории оказываются, по Ткачеву, аффекты и «малоосмысленные, почти инстинктивные потребности», которые обусловливаются, в свою очередь, «экономическими интересами той среды, в которой они возникают и развиваются»⁷. Человеку здесь достается жалкая роль статиста на исторической сцене, который не только не играет свою собственную роль, но даже плохо осознает то, что он должен делать, и целиком зависит от происходящего спектакля. Исключение составляют лишь несколько личностей, осознавших свои задачи и реализующих их вне зависимости от окружающих условий.

Другой, более развернутый и обоснованный, вариант материалистического решения проблемы субъекта истории дал «первый русский марксист» Г.В. Плеханов. Исходной установкой понимания субъектов истории для него служило представление о том, что приоритет при исследовании исторического процесса необходимо отдавать не отдельному человеку, а обществу. Человек же представлялся ему в несравненно большей степени результатом внешних условий, нежели их творцом. Так, Плеханов отме-

² Ткачев П.Н. Народ и революция // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1975–1976. Т. 2. С. 169.

 $^{^{3}}$ Ткачев П.Н. Роль мысли в истории // Там же. С. 140.

⁴ Ткачев П.Н. Утилитарный принцип нравственной философии // Там же. С. 369.

¹ Ткачев П.Н. Роль мысли в истории // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1975–1976. Т. 2. С. 152.

² Там же. С. 146.

³ Ткачев П.Н. Утилитарный принцип нравственной философии // Там же. С. 360.

⁴ Там же. С. 365.

⁵ Ткачев П.Н. Наука в поэзии и поэзия в науке // Там же. Т. 1. С. 381.

⁶ Ткачев П.Н. Организация революционных сил // Там же. Т. 2. С. 99.

⁷ Ткачев П.Н. Роль мысли в истории // Там же. С. 173.

чал, что главная научная заслуга К. Маркса заключается в том, что он «на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит вне человека» 1. Это означает, что и субъекты истории надо искать вне человека, в явлениях гораздо более высокого порядка, которым он подчинен. И мыслитель, вполне в духе марксизма, находит такие субъекты, рассматривая общество с экономической точки зрения.

Указывая на экономику как на ведущий фактор жизни общества, определяющий историческое развитие, Плеханов стремился обнаружить в ней ту главную составляющую, которая своим воздействием в состоянии преобразовать общество. В качестве такой первичной причины исторического развития он указал на производительные силы общества. Философ безапелляционно выводил все изменения, происходящие в обществе, из изменения производительных сил: «внутренней логике развития производительных сил и подчиняется в последнем счете все общественное развитие»². Экономика же представляет собой лишь производное явление: «далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, "функция" производительных сил»³. Таким образом, не люди определяют развитие общества, а объективная логика совершенствования производства определяет все его развитие, а также развитие самого человека.

Свое мнение на этот счет Плеханов совершенно определенно выразил в статье «К вопросу о роли личности в истории» (1898). Здесь он утверждает подчиненное положение личности по отношению к экономическим отношениям: все, что может личность в истории — это быть более или менее годной для удовлетворения общественных нужд. Верный своему «монистическому взгляду», мыслитель считал, что история совершается согласно естественному ходу, подчиняется объективным закономерностям, поэтому деятельность личности определяет лишь «индивидуальную физиономию исторических событий», направление же их определяется развитием производительных сил⁴.

Теоретической основой подобного представления о характере деятельности субъекта истории философу служило учение о единстве субъекта и объекта, в соответствии с которым существование субъекта рассматривалось не более чем стадия развития объекта. Это учение вытекало из плехановского понимания материализма как продолжения представления Б. Спинозы о единой субстанции, «для которой протяжение и мысль явля-

 ^{1} Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956—1958. Т. 1. С. 608.

ются только атрибутами» В соответствии с этой позицией Плеханов стремился не допускать никакого дуализма в решении фундаментальных вопросов, что в области философии истории проявилось как монистическое подчинение субъективных элементов исторического процесса его объективным факторам. Сам мыслитель выразил это свое стремление следующим образом: «Излагаемое нами учение вовсе не упускает из виду роли разума; оно только старается объяснить, почему разум в каждое данное время действовал так, а не иначе; оно не пренебрегает успехами разума, а только старается найти для них достаточную причину»? Но что, в понимании материалиста, значит «найти достаточную причину»? Это значит, указать те объективные условия, которые привели разум к тем или иным решениям. Данное положение ярко отражает настрой философ объяснять действия человека причинами, находящимися в материальной сфере его жизни.

Отразила философия истории Плеханова и марксистское учение о классовой борьбе. Верный главному философскому принципу марксизма о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, он исходил из представления, согласно которому производственные отношения определяются состоянием производительных сил. В соответствии с этим определенный этап развития производительных сил закономерно порождает антагонистические производственные отношения между общественными классами. Дальнейшее развитие производительных сил должно привести к победе класса, выражающего прогрессивную тенденцию этого развития, и установлению социалистического строя. Задача субъективного фактора в этом закономерно протекающем процессе заключается в том, чтобы быть выразителем этих объективных тенденций. Мыслитель, в соответствии с марксистским представлением, видит в этом функцию пролетариата.

В целом взгляды Плеханова вполне согласовывались с представлением Маркса об истории как естественно-историческом процессе, движимом объективной логикой развития производительных сил. Эти силы были вполне имманентны человеческому обществу, они рождались в его недрах и выражали его глубинную сущность. Однако размышления философа о субъекте истории не ограничились указанием только на производительные силы общества. Излагая свои взгляды на протекание исторического процесса, Плеханов четко выделял три его уровня. В качестве общей причины исторического движения он указывал на развитие производительных сил. «Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, то есть та историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же сил у других народов, то есть той же общей причи-

 $^{^2}$ Плеханов Г.В. Нечто об истории // К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Там же. Т. 2. С. 228.

 $^{^3}$ Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Там же. Т. 1. С. 645.

⁴ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Там же. Т. 2. С. 330.

¹ Плеханов Г.В. О мнимом кризисе марксизма // Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 2. С. 339.

 $^{^2}$ Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Там же. Т. 1. С. 617.

ной. Наконец, влияние особенных причин дополняется действием причин единичных, то есть личных особенностей общественных деятелей и других случайностей, благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию»¹.

Здесь Плеханов, по сути, выделяет три возможных субъекта истории, применяя к историческому процессу философские категории общего, особенного и единичного. Производительные силы — это тот фактор, который, обладая универсальными характеристиками, действует в масштабе всего человечества. Благодаря такому своему свойству он позволяет все человеческое общество рассматривать как субъект истории, поскольку оно, при этом, приобретает единство исторической жизни. Категория особенного конкретизируется в виде отдельных народов, обладающих теми или иными отличиями в уровне развития и условиях существования производительных сил. Наконец, категорию единичного мыслитель связывает с проявлением личного начала в истории. Таким образом, субъектами истории принципиально могут выступать человечество, народы и личности.

Эта мысль Плеханова заслуживает особого внимания. Благодаря ей впервые в философско-исторической литературе наметился вариант такого решения проблемы субъектов истории, который не абсолютизировал роль ни одного из участников исторического процесса, но учитывал интересы каждого из них. Кроме того, величайшая заслуга мыслителя заключается в том, что он сумел найти методологический принцип, позволяющий непротиворечиво совместить субъекты истории в рамках одного представления. Диалектика категорий общего, особенного и единичного в применении к историческому процессу дает возможность описывать его как одновременное взаимодействие трех его участников, сосуществующих в одном историческом пространстве и времени. Использование данного методологического принципа открывало перспективы для сбалансированного решения проблемы субъектов истории, адекватно отражающего основные стороны исторической реальности.

Но, к сожалению, на практике стремление к нахождению баланса между категориями остается у Плеханова реализованным лишь отчасти: в действительности марксистское понимание истории делает явный крен в сторону всеобщего: всеобщность, выступающая в качестве производительных сил материальной жизни общества, определяет собой все остальные сферы жизни и при всех оговорках о сложном характере их воздействия, подчиняет себе все особенное и единичное. Даже сам текст, в котором мыслитель формулирует данный принцип, свидетельствует о том, что роль и значение перечисленных субъектов истории представлялись ему неравнозначными. Говоря об особенном в истории, он связывает его со специфическими проявлениями производительных сил у конкретных народов,

историческая обстановка существования которых определяется все той же общей причиной — уровнем развития у них этих сил. В результате наметившаяся тема оригинальности исторических судеб разных народов у Плеханова не получила дальнейшего выражения. Поскольку основные процессы исторического развития протекают на общечеловеческом уровне в виде совершенствования производительных сил, специфика отдельных народов может проявиться только в отношении опережающего или отстающего их проявления. В статье «О Белинском» (1910) Плеханов критикует Виссарионовича Григорьевича за попытку представить историю России как принципиально отличную от истории стран Западной Европы. Он считал, что крайне странно было бы объяснять отсутствие в России классовой борьбы ссылкой на то, что русский народ родился «с другим непосредственным откровением истины» , как это делал Белинский. Для Плеханова историческое развитие всех народов принципиально одинаково и основано на совершенствовании производительных сил.

Проявление единичного в истории значимо еще меньше, чем проявление особенного. Во-первых, он указывает на то, что действие единичных причин только дополняет действие причин особенных. А во-вторых, конкретизируя единичные причины, Плеханов практически отождествляет их с категорией случайного, тем самым умаляя значение стоящих за ними личностей как субъектов истории. В этом выразился общий настрой марксистской философии истории, сделавшей предметом своего изучения явления общечеловеческого характера, свойственные для всех людей, независимо от их национальных или индивидуальных различий. Следствием этого была нереализованность Плехановым предложенного им принципа. Одна из категорий (общее) оказывалась определяющей по отношению к двум другим, попадавшим в разряд подчиненных, второстепенных, что не могло не привести к односторонности в решении проблемы субъектов истории.

И, тем не менее, на констатации этого положения нельзя поставить точку в рассмотрении взглядов Плеханова на субъекты истории. Будучи мыслителем с довольно широким кругозором, он не мог ограничиться указанием на отдельного человека как на статиста в исторической пьесе, к чему неизбежно вел экономический, имманентистский, по своей сути, подход к истории. Но, не ограничиваясь им, выходя за его рамки, Плеханов неизбежно испытал воздействие принципиально иного подхода. Произошло это не в собственно философско-исторической сфере, где он, несмотря на совсем незначительные колебания, демонстрировал приверженность ортодоксальному историческому материализму, а в сфере этики.

Это была единственная сфера, в которой Плеханов допустил некоторые отступления от принципа подчинения личности объективным услови-

¹ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 2. С. 332.

¹ Плеханов Г.В. О Белинском // Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958, Т. 4. С. 566.

ям. Именно в этой сфере личность оказывается у него наделенной не только имманентными, но и трансцендентными характеристиками. Еще В.В. Зеньковский подметил, что мыслитель, в целом, защищая классовый характер морали, временами переходил в этом вопросе на точку зрения И. Канта, рассматривавшего личность как самоцель Так, автор «Истории русской философии» ссылается на брошюру «О войне» (1914), где Плеханов, совершенно в духе Канта, критикует капитализм именно за то, что тот видит в личности рабочего лишь средство, пренебрегая ею как целью.

Но признание личности в качестве цели ведет к очень серьезным последствиям. Ведь для того чтобы рассматривать личность как цель, а не как средство, необходимо признать ее самоценность, ее значение, вне зависимости от какого-либо отношения к обществу. Но именно это, как нельзя лучше, уже показал И. Кант в своем учении об автономности нравственной воли человека. Мораль не может быть выведена из условий общественной жизни человека, она не возникает из опыта, но априорна. Моральный поступок человека выглядит как результат внутреннего императива, не только не возникающего из окружающей его действительности, но зачастую противоречащего ей. При таком подходе нравственные принципы неизбежно приобретают трансцендентный характер, ведут за пределы материальной действительности. Недаром сам Кант сделал вывод о том, что «мораль неизбежно ведет к религии»².

Таким образом, стремление Плеханова рассматривать человека как цель, доведенное до своего логического завершения, вступает в противоречие с общим материалистическим настроем его философии, так как ведет в область трансцендентного. Но, думается, что рассматриваемый мыслитель неспроста поддался этому искушению. Широта его философского кругозора рано или поздно должна была, хотя бы интуитивно, дать ему почувствовать противоречие между социоцентристской ориентацией марксизма, видящего в человеке «совокупность общественных отношений», и подлинной сущностью человека, выходящей за пределы социальной среды и гарантирующей его самоценность и несводимость к этой среде.

Подобные колебания «первого русского марксиста» замечал не только Зеньковский. Плеханову не раз приходилось публично отмежевываться от приверженности Канту или неокантианству. В этой области мнение Плеханова о характере своей собственной философии расходится с ее внешней оценкой, для которой действительно имеются основания.

Так, касаясь философии Канта, Плеханов критиковал ее за нравственный формализм, за то, что он «видел критерий нравственного закона не в содержании, а в форме воли»³. Однако очень показательно, что в этой

³ Плеханов Г.В. Генрик Ибсен // Там же. Т. 5. С. 460.

своей критике мыслитель был солидарен с Гегелем, не подвергавшим сомнению абсолютный характер нравственного закона, но лишь считавшим его кантовскую трактовку «отрицательно абсолютной», указывающей на то, чего нельзя делать, а не говорящей, что следует делать. Таким образом, плехановская критика, не касавшаяся абсолютного характера нравственности Канта, молчаливо признавала этот характер со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Надо отметить, что представление об абсолютном характере морали во взглядах Плеханова уживалось с учением о классовой борьбе. Классовый характер морали определялся им как результат конкретного исторического этапа развития человечества. Такое положение представлялось мыслителю временным и ненормальным, вынужденным определенным уровнем экономического развития общества. В исторической перспективе, с ликвидацией классов мораль должна приобрести свойственный ей абсолютный характер. В самом общем виде Плеханов выражает эту историческую задачу, вызревающую в капиталистическом обществе, как «общественное освобождение личности» 1. Отсюда можно сделать вывод, что классовый подход не противоречит пониманию сущности личности как носительницы абсолютной нравственности, трансцендентной по своей природе.

В произведениях, написанных в период и после первой русской революции, эта нота приобретала все большее звучание. Из них видно, что интересы рабочего класса для Плеханова не были самоцелью. В двух статьях серии «Борьба наемного труда с капиталом» (1917) он пишет о том, что «интересы наемных рабочих могут совпадать с интересами предпринимателей»², и когда обе стороны понимают это, то «происходит уже не борьба классов, а их сотрудничество»³. Но борьба классов порождена объективной экономической обстановкой, и для сотрудничества требуется принятие обеими сторонами какой-то общей основы, лежащей вне их антагонизма, что также логически ведет к трансцендированию за пределы их экономических интересов, в область абсолютной нравственности.

Развитие подобного представления теоретически открывало возможность для дальнейшей плодотворной эволюции понимания субъектов истории в рамках материалистической парадигмы, суть которой могла заключаться в признании самостоятельной роли отдельной личности, в силу ее причастности к миру трансцендентного. Но, к сожалению, своего завершения эта идея у Плеханова так и не получила. Она осталась выраженной в имплицитной форме и не повлекла за собой серьезных изменений в философско-исторических взглядах мыслителя. Его взгляд на субъекты ис-

³ Там же. С. 133–134.

¹ Зеньковский В.В. Георгий Валентинович Плеханов // История русской философии: В 2 т. Л.: Эго, 1991. Т. 2. Ч. 2. С. 39.

 $^{^2}$ Кант И. Религия в пределах только разума // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 81.

¹ Плеханов Г.В. Идеология мещанина нашего времени // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. Т. 5. С. 542.

 $^{^2}$ Плеханов Г.В. Борьба наемного труда с капиталом // Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917—1918 г.: В 2 т. Париж, 1921. Т. 1. С. 131.

тории сохранил преимущественно имманентистские характеристики. Оговорка о возможности самоутверждения личности в истории через сферу морали была сделана им на фоне признания решающей роли в истории производительных сил общества как ее имперсонального субъекта. Оно вылилось в недосказанное до конца, полуосознанное стремление придать человеку статус субъекта истории. В таком виде оно не могло оказать сколько-нибудь существенное влияние на философию истории в России.

Учитывая, что в период и, особенно, после революции 1917 года в России решающее влияние на понимание субъектов истории оказали взгляды В.И. Ленина, следует обратиться к его представлениям по этому вопросу. В одном из произведений раннего периода своей политической деятельности «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социалдемократов» (1894) В.И. Ленин, защищая позиции К. Маркса по вопросам развития общества, встает в решении проблемы субъектов истории на марксистскую точку зрения. Всю его работу пронизывает стремление доказать объективную основу протекающих в обществе процессов и, как следствие этого, независимость исторического процесса от воли и сознания отдельных людей. Так, Ленин, цитируя «Критику политической экономии», подчеркивает, что существование производственных отношений «не только не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит»¹.

Действительно, марксизм, как он был изложен в трудах его творцов К. Маркса и Ф. Энгельса, представлял собой грандиозную попытку дать обобщенное понимание наиболее существенных закономерностей развития человечества, основав его на прочном фундаменте материальных характеристик жизни общества, носящих объективный характер. Не только экономические отношения людей, но даже формы общественного сознания рассматривались классиками марксизма как следствие материальных, не зависящих от сознания причин. В работе «Немецкая идеология» они писали: «...Мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие ей формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет собственной истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей деятельностью также свое мышление и продукты своего мышления»².

Отстаивая эту идею, Ленин подчеркивал: одна из характерных черт марксистского переворота во взглядах на общество заключается в том, что до Маркса считалось, будто общественные отношения строятся людьми сознательно, а он показал, что «масса прилаживается бессознательно к этим отношениям»³. Таким образом, получается, что общественные отно-

¹ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов //

шения складываются, не проходя через сознание людей, а значит, исторический процесс носит объективный характер, совершается независимо от мнений тех или иных личностей. Этот же вывод подтверждается и высказыванием о необходимости применять к общественным явлениям «общенаучный объективный критерий повторяемости»¹.

Все эти положения создают основу для совершенно однозначного понимания субъекта истории. В качестве такового не могут рассматриваться отдельные личности, так как их волевые проявления, непредсказуемость или даже произвол никак не совместимы с «общенаучным объективным критерием повторяемости». Если личность и учитывается в марксизме, то, по мысли Ленина, как элемент, составляющий социальное целое, являющееся подлинным субъектом истории. Этого субъекта он рассматривает как «живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образованных данной общественной формацией, исследование законов его функционирования и развития»².

Данная Лениным характеристика понятия «социальный организм» весьма наглядно демонстрирует его понимание ролей отдельных людей и общественных образований в истории. Как отдельные органы любого организма (даже самые важные) не имеют независимого значения и не могут нормально функционировать в отрыве от остальных органов и организма в целом, так и отдельные люди не имеют самостоятельного исторического значения и не могут рассматриваться в отрыве от того социального целого, в которое они входят.

Говоря о социальных организмах, Ленин усматривает прямую аналогию между социальными процессами и жизнью, протекающей в биологическом мире. В частности, он отмечает, что «социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений»³. Однако использование Лениным понятия «социальный организм» принципиально отличается от того значения, которое вкладывали в него представители культурологического или цивилизационного подходов. Они рассматривали человечество как совокупность отдельных самостоятельных организмов. Таковыми были культурно-исторические типы у Н.Я. Данилевского, культуры у К.Н. Леонтьева и О. Шпенглера, цивилизации у А. Тойнби. Каждый из таких организмов представлялся им имеющим собственные основы и особенности. Эти организмы взаимодействовали или конкурировали между собой, но не рассматривались в качестве стадий развития человечества.

Полн. собр. соч. Т. 1. С. 135.

² Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. 2-е изд. Т. 1. С. 14.

³ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Там же. Т. 1. С. 136.

¹ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 137.

² Там же. С. 165.

³ Там же. С. 167.

В марксистском же представлении, выраженном и Лениным, каждый социальный организм занимал определенное иерархическое место по отношению к другим, ему подобным организмам. Каждый организм предыдущего типа обречен на смерть и замену его организмом последующего типа. Марксизм же раскрывает и те исторические законы, которые регулируют возникновение, существование, развитие, смерть конкретного общественного организма и замену его другим высшим организмом.

В последующих работах Ленин конкретизирует понятие «социальный организм», определяя его разновидности через составляющие его общественные классы. Ленин указывает, что материалист не может ограничиваться указанием на необходимость какого-либо общественного процесса, а должен выяснять, какой именно класс определяет эту необходимость . При таком подходе именно классы оказываются теми структурами, в свойствах и взаимоотношениях которых находят выражение существующие в данном обществе порядки и, в конечном итоге, характер и направление протекающих в нем исторических процессов. Таким образом, именно общественные классы оказываются той силой, действиями которой и осуществляется движение истории.

На фоне классов и тех процессов, которые они порождают, отдельная личность теряет свое значение, ее рассмотрение становится излишним, привносящим в проблему много ненужных деталей. Согласно Ленину, бесконечное разнообразие действий «живых личностей» можно понять, только сведя их к действиям групп личностей, различающихся между собой по той роли, которую они играют в системе производственных отношений, то есть именно к действиям классов, борьба которых и лежит в основе развития общества². Это становится возможным благодаря тому, что помыслы и чувства отдельных личностей, при всем кажущемся их разнообразии, рассматриваются не как случайные, но как порождаемые их принадлежностью к определенному классу.

Так, анализируя то, как отражается марксизм в буржуазной литературе в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», Ленин выражает одобрение мысли Струве о том, что «игнорирование личности в социологии или, вернее, ее устранение из социологии есть в сущности частный случай стремления к научному познанию»³. Более того, Ленин соглашается со Струве в том, что «личность для социологии есть функция среды»⁴, она является формальным понятием, содержание которого дается исследованием социальной группы.

Надо отметить, что взгляды Ленина на субъект истории и характер его деятельности постепенно развивались. Практика классовой борьбы вносила коррективы в первоначальные теоретические представления по этим вопросам. В частности, первоначально Ленин подчеркивал объективный характер исторического процесса. Субъект истории виделся ему действующим в соответствии с объективными и неумолимыми законами, не зависящими от чьих-либо представлений. Постепенно Ленин начинает все больше говорить о значении сознательных проявлений в деятельности общественных групп.

Например, развивая учение о классовой борьбе, Ленин выделяет в ней две стороны: объективную и субъективную. Объективное условие развития общества — это противоречие между ростом производства и пролетарским состоянием народных масс. Чем сильнее оно становится, тем больше возможности для превращения общества в высшую форму. Но этого недостаточно: необходимо еще и субъективное условие — осознание данного противоречия самими работниками 1. Таким образом, действия классов как проявление существующих в обществе тенденций порождаются двумя принципиально различными причинами. При этом для реализации объективно сложившихся условий исторической ситуации необходимо участие субъективного фактора — осознание людьми этих условий и приложение целенаправленных усилий по их реализации.

Ленин проводит четкое разделение этих причин в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905). В ней он показывает, что конкретный набор объективных и субъективных условий, сложившийся в тот исторический период в России, определяет суть происходящих в ней процессов: «Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса»².

Развивая понимание субъективных условий исторического процесса, Ленин создал учение о партии, которая должна взять на себя роль организатора стихийной, вызванной объективными условиями существования, борьбы масс. Политические партии здесь выступают как сознание общественных классов, так как именно партии придают слепым классовым силам осмысленное направление. Ленин отмечал, что задача партии состоит в том, чтобы осознать существующие общественные условия и выполнить руководящую и направляющую роль, вставая во главе передовых классов³. Еще в 1902 г. в работе «Что делать?» Ленин писал, что условия жизни про-

¹ Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418.

² Там же. С. 430.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 435.

¹ Ленин В.И. Ответ г. П. Нежданову // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 161.

² Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Там же. Т. 11. С. 16.

³ Там же. С. 31.

летариата стихийно ведут его к социалистической теории, но сам пролетариат разработать такую теорию не в состоянии. Она должна быть привнесена в рабочую среду извне передовой интеллигенцией, в чем и состоит важнейшая роль партии. Это положение Ленина о необходимости усилиями интеллигенции внести в рабочее движение сознательный элемент принципиально отличалось от представления Плеханова о роли партии, дающей осознание самими рабочими объективно имеющихся у них задач.

При этом совершенно очевидно, что субъективная, сознательная роль партии понималась Лениным в достаточно узких рамках. В ее деятельности не должно быть произвола или отклонения от объективных тенденций исторического развития. Партии не могут отменить или изменить законы истории, они могут только помочь реализации имеющихся помимо их желания возможностей. Так, касаясь перспектив исторического развития России в речи на V съезде РСДРП, Ленин отмечал, что капитализм в ней развивается по объективным законам, что буржуазно-демократический переворот абсолютно неизбежен и никакая сила в мире не может помещать ему. Но осуществление этого переворота возможно различными путями: крестьяне могут победить помещиков или помещики могут победить крестьян¹. Предопределенным оказывается только итог исторического движения, но не конкретный характер пути к нему.

Осознанность деятельности партий, осуществление стоящих перед ними задач на основе анализа ситуации и планирования своих действий внешне придает им статус субъекта истории. Однако осознанность действий и планирование деятельности партиями, по Ленину, оказывают влияние на ход истории только в том случае, если совпадают с объективными тенденциями исторического процесса. Как отмечалось выше, Плеханов выразил эту же идею более откровенно, указав на связь марксизма с представлением Спинозы о свободе как осознанной необходимости. Но общая методологическая установка у Ленина была той же, что и у Плеханова. Фактор сознания, даже сознания народных масс не рассматривался Лениным определяющим историю. Он критиковал как идеалистическую точку зрения, согласно которой власть в обществе может перейти к организации, которая сумеет завоевать достаточный авторитет для этого в сознании народных масс. «Не "всенародное сознание" определит исход борьбы, - писал он, – а *сила* тех или иных *классов* и элементов общества»². Реальная же сила любой общественной организации представлялась Ленину проистекающей из соответствия ее интересов и действий объективным условиям. В противном случае такая организация не сможет оказать влияния на ход истории.

¹ Ленин В.И. Выступления на V съезде РСДРП // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 339–340.

Таким образом, сознательная сторона субъекта истории (воплощенная в партии) может, по Ленину, выполнить лишь функцию катализатора, ускоряющего достижение им тех целей, которые уже предопределены объективной логикой исторического процесса. Сознание как отдельных людей, так и целых классов должно приспосабливаться к объективной логике хода истории, а не наоборот. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин вполне определенно пишет о том, что высшая задача человечества — охватить в общих чертах логику эволюции общественного бытия с тем, чтобы приспособить к ней свое общественное сознание 1.

Данный вывод был закономерным следствием принятия Лениным марксистской установки на характер отношений между объективным и субъективным. В этом же произведении, несколько ранее процитированом фрагменте, автор присоединяется к мнению Ф. Энгельса о том, что «общие законы движения внешнего мира и человеческого мышления по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, что человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе — до сих пор большей частью и в человеческой истории — они пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей»².

Итак, понимание В.И. Лениным субъекта истории и характера его деятельности показывают, что им было последовательно реализовано марксистское представление об истории как естественно-историческом процессе, протекающем по объективным законам, которые в конечном итоге не зависят от сознания ни отдельных людей, ни их объединений. Субъект истории в таком подходе выглядит как человеческое общество, разделенное на большие социальные группы, которые формируются логикой хозяйственной деятельности и действуют в соответствии с этой логикой. Осознанность как самой логики, так и действий, совершаемых благодаря ей, в принципе может отсутствовать. Исторический процесс при этом будет продолжать свое движение к результатам, предопределенным объективным порядком вещей. Осознанность действий социальных групп придаст совершаемому ими определенный колорит, своеобразную специфику, ускорит или замедлит наступление результатов, но не сможет принципиально что-либо изменить, так как это выходит за пределы их возможностей. В этом слышна поступь той «железной необходимости», о которой К. Маркс писал в предисловии к «Капиталу»³. Жизнь общества как субъекта истории определяется, по Ленину, факторами материального порядка, принципиально одинаковыми в любой его части. Ни отдельный человек, ни социальная группа не могут претендовать на подобную роль, так как представ-

² Ленин В.И. Политический кризис и провал оппортунистической тактики // Там же. Т. 13. С. 352.

 $^{^{1}}$ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.

² Там же. С. 161.

 $^{^{3}}$ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1987. Т. 1. Кн. 1. С. 6.

ляют собой лишь несамостоятельные части единого социального организма. Человек, общественный класс, страна и другие структурные элементы общества имеют смысл только как частный момент единственного реального субъекта истории — человечества.

Подводя итоги рассмотрению того, как трактовали субъект истории наиболее последовательные представители русской материалистической философии последней трети XIX – первой трети XX вв., можно сделать ряд выводов.

Для тех русских мыслителей, которые разделяли материалистическую парадигму в понимании истории, было характерно признание статуса субъекта истории за человечеством. Главными свойствами, необходимыми, по их мнению, для субъекта истории, должны быть такие черты, которые отличались бы всеобщностью и объективностью. Социологичность в их взглядах явно одержала победу над интересом к отдельной личности и необходимостью учитывать ее влияние на исторический процесс.

Признание субъектом истории человечества сочеталось у этих мыслителей с утверждением о том, что его интересы в реальной исторической действительности реализуются в деятельности крупной социальной общности — передовом общественном классе — пролетариате. Этот класс в соответствии с объективными условиями своего существования вынужден вести борьбу за преобразование общества на более справедливых началах. Эта идея, не нашедшая своего выражения в ясной форме у Ткачева, отметившего только, что появление пролетариата было признаком прогрессивной исторической тенденции, была развита Плехановым и, кроме того, дополнена им представлением о партии, которая должна была выразить самосознание пролетариата и организовать его на борьбу. У Ленина деятельность пролетариата отражает передовые социальные тенденции лишь объективно, но осознанность его движению должна быть придана со стороны интеллигенции.

Согласно представлениям всех рассматриваемых мыслителей, сознательный элемент может сыграть какую-либо роль в истории только в том случае, если он совпадет с объективно существующими тенденциями, что придает данным концепциям детерминистский характер. Высокий уровень абстрактности представления о субъекте истории в материалистической философско-исторической концепции, в соответствии с которой под ним понимается все человечество, а кроме того, ничтожно малая степень влияния человека или социальной группы на исторический процесс, повышающаяся только в случае совпадения их действий с объективно предопределенными задачами, заставляют усомниться в правомерности применения самого понятия «субъект истории» в данной концепции. Процесс, протекающий преимущественно по естественным законам, не требует никакого субъекта и легко может обойтись без представления о нем. Не удивительно, что в советской философской литературе вместо термина «субъект

истории» использовался термин «субъективный фактор истории». Это обстоятельство представляется закономерным следствием недооценки роли личностей и социальных образований в историческом процессе, имевшем место в трудах российских материалистов, и прежде всего В.И. Ленина.

Однако история русской философии показывает, что не только марксизм выражал в России подобные взгляды. Как это ни парадоксально, но проанализированные выше материалистические представления о субъекте истории были созвучны одному из наиболее ярких мотивов русской философии в целом, который господствовал в ней вплоть до конца XIX в., заключавшихся в признании господства социальности над индивидуальностью. Ткачев, Плеханов и Ленин, выражая материалистические идеи о развитии истории, по сути, продолжали ту линию русской философии, которая брала начало от славянофилов с их идеей соборности и во многом была созвучна «философии всеединства» с ее антиперсоналистскими тенденциями.

Безусловно, параллели между всеми перечисленными философскими направлениями не исключают и принципиальных различий в их фундаментальных установках. Материалистическая основа марксистского мировоззрения прямо противоположна религиозной основе мировоззрения славянофилов или исходным пунктам философских построений представителей «философии всеединства». Но при этом философско-исторические взгляды Плеханова и Ленина были сосредоточены на идее установления господства передового общественного класса с целью достижения наиболее справедливого социального устройства в интересах всего общества в целом, а не только отдельных личностей или их групп.

Очень созвучна этому подходу и одна из ключевых идей «философии всеединства» - идея Богочеловечества, согласно которой целью исторического развития является установление Царства Божьего как совершенного социального порядка. При этом данная цель также объективна и предопределена, как и установление справедливого социального строя, по Плеханову и Ленину, и, так же как у них, для ее скорейшего достижения каждый человек должен осознать объективность и неизбежность этой цели и способствовать ее приближению. Хотя нельзя не отметить, что уровень социологизма во взглядах Ленина гораздо выше, чем, например, у В.С. Соловьева. Последний, в отличие от Ленина, не мог рассматривать человека как «функцию среды». Религиозная основа его философии требовала относиться к человеку как творению Божьему, обладающему, при всех общечеловеческих характеристиках, еще и уникальной душой. Кроме того, «философия всеединства» предусматривала достижение цели истории на основе идеалов общечеловеческой нравственности, установленных Богом. Согласно же Ленину, нравственность носит классовый характер и отличается у разных социальных групп.

Констатируя наличие явной параллели между указанными направлениями в этом вопросе, заключенной во всеобщности субъекта истории,

нельзя не отметить и разницу в способах ее выражения. Если Соловьев прямо пишет о человечестве как субъекте исторического развития¹, то у Ленина практические задачи борьбы пролетариата приводили к концентрации внимания на взаимоотношениях классов, и по его работам создается впечатление, что именно классы представлялись ему действительными субъектами истории. Но проделанный ранее анализ показывает, что это не вполне так. Передовые классы, по Ленину, своей борьбой осуществляют не просто собственные узкоклассовые интересы, но, в конечном счете, действуют в интересах всего человечества. Их роль в этом отношении можно сравнить с ролью конкретного исполнителя тех решений, которые принимаются не ими, но силами гораздо более могущественными, чем они.

Именно убежденностью Ленина во всеобщности субъекта истории, в единстве судьбы всего человечества можно объяснить его глубокую уверенность в недалеком осуществлении мировой революции. Вскоре после революции в России он уверенно заявляет о близости революционных событий в других странах. Русская революция рассматривалась Лениным только как проявление общих мировых процессов. Так, в феврале 1918 г. он пишет о том, что «международная социалистическая революция в Европе зреет с каждым месяцем»².

На основании сказанного выше можно констатировать, что в материалистическом варианте трактовки субъекта истории было заключено противоречие. Сам субъект понимался как единое человечество, движимое принципиально едиными и объективными законами исторического развития по направлению к установлению справедливого социального порядка. Но при этом внутри человечества усматривались части, движущиеся разнонаправленно и имеющие противоположные интересы: один класс стремился к достижению общечеловеческой цели истории, другой всей своей деятельностью мешал достижению этой цели, желая сохранить сложившееся положение. При этом деятельность и того и другого классов вытекала из объективных условий их существования, а не была результатом свободного выбора составляющих их людей. Но один класс, выражающий передовые тенденции развития общества, логически нельзя рассматривать в качестве субъекта истории, так как в этом случае всем другим классам придется в этом отказать. Принятие подобной установки грозило бы необходимостью признать какую-то часть человечества лишней, стоящей вне истории, даже мешающей ее развитию, а значит, это привело бы к возможности пренебречь интересами и жизнью составляющих эту часть людей (что, собственно, и реализовалось в России во время революции). Но такой вариант неприемлем уже по нравственным соображениям, так как основан на принятии двойных стандартов морали.

Это чувствовали и сами представители материалистического направления философии истории. Отсюда непоследовательны попытка Плеханова опереться на положения нравственной философии Канта и убежденность Ленина в том, что пролетариат, совершая революционное насилие, действует в интересах всего человечества. Однако, при всех этих оговорках, противоречие между признанием человечества в качестве субъекта истории и одновременным признанием разной исторической ценности его частей в марксизме оставалось. Личность в такой ситуации оказывалась перед необходимостью довольно тяжелого выбора ценностных ориентиров своей деятельности. Общечеловеческие ценности, выраженные в религии и характеризующиеся вневременностью и игнорированием национальных, социальных и иных различий между людьми, марксизм объявлял ложными. Вместо этого он предлагал руководствоваться классовыми ценностями, выраженными в представлениях «передового» общественного класса, но которым, при этом, придавался общечеловеческий характер. Эта претензия по наделению статусом субъекта истории только одной общественной группы, делающая ее выразительницей интересов всего человечества, является наиболее характерной чертой марксисткой философии истории, вызывавшей многочисленные возражения со стороны других философских

2.3. Представления о субъектах истории у теоретиков социологического направления русской философии истории (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев)

Данное направление русской философии истории, опираясь на идеи позитивизма, сумело выработать оригинальное представление о субъектах исторического процесса. Ведущий мотив произведений представителей социологического направления русской философии истории заключался в стремлении сохранить за личностью статус главного «деятеля» истории и не допустить ее растворения в объективных законах общественного развития. Позитивистская ориентация мыслителей этого направления (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев и др.) противопоставляла их философам метафизического толка (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк и др.). Но признание ключевой роли личного начала в истории резко отмежевывало их взгляды от представлений материалистически мысливших философов (П.Н. Ткачев, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и др.).

Методологическую основу для подобного подхода можно увидеть уже у родоначальника позитивистской философии и социологии О. Конта. Провозглашая задачей своей философии открытие в развитии всех явлений объективных законов, Конт, тем не менее, признавал, что предмет социально-гуманитарного знания обладает определенной спецификой: в ходе

 $^{^1}$ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 145.

 $^{^2}$ Ленин В.И. О революционной фразе // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 351.